
Н. С. РОЗОВ

РАЗРУШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОРЯДКОВ И ФАКТОРЫ ПЕРЕХОДА К ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Модель коэволюции порядков используется для схематичного объяснения подрыва социальных и ментальных основ европейского Средневековья. Этот макросоциальный процесс стал следствием сближения разнородных, но связанных между собой событий и процессов до и после 1500 г. В результате религиозных войн папства, империи, князья, а также территориально разбросанные брачные союзы (Габсбурги, люксембургцы, Виттельсбахи) и торговые альянсы (Ганзейская лига, Рейнская лига, Швабская лига) стали неудачниками. Победителями же оказались национальные государства абсолютистского типа, объединенные федерации (Нидерланды и Швейцария), а также новые протестантские церкви, торговые и промышленные города, вступившие в союз с новыми государствами. Обобщение и концептуальное осмысление этих явлений позволяет сформулировать гипотезы о факторах и механизмах разрушения базовых институтов и образцов при переходе от относительно стабильной эпохи к турбулентности.

Ключевые слова: *макросоциология, эпоха турбулентности, коэволюция порядков, Средневековье, Реформация.*

The model of co-evolution of orders is used for a sketchy explanation of the undermining of social and mental foundations of the European Middle Ages. This macrosocial process was a consequence of the convergence of heterogeneous but related events and processes before and after 1500. As a result of the religious wars, the papacy, the Empire, the princes, as well as territorially scattered marriage alliances (Habsburgs, Luxembourgers, and Wittelsbachs) and trade alliances (the Hanseatic League, the Rhine League, and the Schwab League) became losers. The winners were national absolutist-type states, united federations (the Netherlands and Switzerland), also new Protestant churches, commercial and industrial cities that joined the alliance with new states. Generalization and conceptual interpretation of these phenomena allows us to

formulate hypotheses about the factors and mechanisms of destruction of basic institutions and patterns during the transition from a relatively stable era to turbulence.

Keywords: *macrosociology, epoch of turbulence, co-evolution of orders, the Middle Ages, Reformation.*

Введение

Переход от относительной стабильности *Pax Christiana* к турбулентной эпохе Реформации и религиозных войн рассматривается в данной работе через призму модели коэволюции трех порядков: *функционального* (предметы заботы, обеспечивающие их структуры, сопутствующие издержки и напряжения), *социального* (взаимодействия, практики, отношения, организации, социальные структуры и институты) и *ментального* (познавательные, ценностные, экзистенциальные, социальные, поведенческие установки индивидов и групп, а также культурные образцы, транслируемые при смене поколений) [Розов 2018].

Применение данной модели направлено, с одной стороны, на выявление глубинной взаимосвязи причин выхода Европы из Средневековья, с другой – на проверку положений самой модели коэволюции порядков, на ее уточнение и расширение для последующего применения к выявлению условий наступления других эпох турбулентности.

Механизм разрушения стабильности: исходная модель

Если социальные и ментальные порядки склонны к инертности и воспроизводству в поколениях, то функциональный порядок является главным драйвером исторической динамики. Согласно модели, сбалансированное и стабильное сочетание порядков (фигурация) нарушается при росте издержек и накоплении напряжений. Поскольку главными бенефициарами порядков обычно являются правящие группы (и – шире – влиятельные группы, элиты), то сбои, нарушения во взаимодействиях, институтах они воспринимают как свой вызов и также дают ответ, чаще всего оправдавший себя при сходных прошлых вызовах. При адекватном ответе с неприятно-

стями удается справиться, и существенных изменений не происходит. Однако при изменившихся условиях ранее адекватные ответы становятся неадекватными, что приводит к конфликтам и кризисам. Дальнейшая эскалация кризиса происходит, если издержки и предметы заботы не восполняются, если в борьбе ни одна из коалиций не способна подчинить остальные (принудить их влиться в свой социальный порядок) и не удастся прийти к компромиссу.

Если конфликты, разрушающие институты в обществах, совмещаются с кризисами международных отношений, то начинается период турбулентности, что выражается обычно в войнах и революционных волнах. Турбулентность может длиться в течение десятилетий и завершается только тогда, когда новые предметы заботы обеспечиваются структурами – отношениями, институтами, практиками (в социальном порядке) и габитусами, установками включающихся в эти структуры людей (в ментальном порядке).

«Конец света» 1492 г. как преддверие заката Средневековья

Согласно тогдашней системе летоисчисления, датой «сотворения мира» считался 5508 г. до н. э., математически рассчитанный как год с тройной единицей (по индикту, кругу Солнца и кругу Луны, что бывает один раз в $15 \times 28 \times 19 = 7980$ лет). Согласно Библии, для Бога тысяча лет – это один день. А если за «шесть дней» (6 000 лет) был создан мир, то Страшного суда надо было ждать в конце «седьмого дня», то есть через 7 000 лет после сотворения мира, а значит – именно в 1492 г.

Про это несбывшееся ожидание конца света знают многие, но обычно недооценивают масштабы, охватившие почти всех, и нарастающий сгусток противоречивых чувств: страха, тревоги, надежды на справедливое возмездие грешникам и на собственное спасение.

Множество проповедников Страшного суда, среди которых Ян Гус, Джон Уиклиф, Джироламо Савонарола, грозили пастве ужасными мучениями, если те не покаются [Дэвис 2005: 354].

В начале XV в. женщин призывали к разводам для того, чтобы в момент Второго пришествия они были свободными от родственных связей. В 1453 г. османами был взят Константинополь, что произвело огромное впечатление на весь христианский мир.

С 1480 г. начавшаяся на Балканах эпидемия чумы охватила всю Европу. Из-за неблагоприятного размещения Сатурна и Юпитера в 1484 г. и солнечного затмения 1485 г. астрологи предсказывали стихийные бедствия, войны, разорения, что объяснялось приближением Страшного суда [Делюмо 2003: 213–214].

Ожидание конца света стало вызовом-угрозой для всех социальных групп. Охвативший массы людей страх, связанный с ним интерес к смерти, страданиям, ужасам и чудовищам давали новые возможности для религиозных проповедников-моралистов типа Савонаролы, умело устрашавших паству адскими муками, которые ожидают грешников. На городских площадях и в центральных соборах частыми стали представления на темы смерти. Людям показывали окровавленные трупы, скелеты, истощенные, разъеденные червями тела, которые еще продолжали терзать адские чудовища. Проходили церемонии «сожжения сует», когда горожане выносили из своих домов на площадь для сожжения вещи, воплощавшие «соблазны мира» (от украшений до произведений искусства) [Найдорф 2004: гл. 3].

В городах появились специальные школы, где обучали искусству умирать. Вера в скорый конец света была настолько сильной, что в 1491 г. многие крестьяне не засеяли свои поля, из-за чего закономерно наступил голод, то есть новое бедствие. В 1493 г. разразилась эпидемия сифилиса.

Ожидания конца света и прихода Антихриста, особенно обострившиеся в XV в., совместились с тогдашней политической борьбой, поэтому стали частыми обвинения противников, в том числе соперничающих, враждебных или даже всех пап, в том, что они являются воплощением Антихриста. Так, Уиклиф обвинял и римского папу, и авиньонского папу-антипода в том, что оба они Антихристы, «подобные двум псам, грызущим одну кость». После несбывшегося конца света в 1492 г. ожидания отнюдь не угасли. В 1508 г. проповедник Гейлер в Страсбурге призывал паству такими словами: «Лучшее, что можно сейчас сделать, это забиться в щель, спрятаться в своем углу, следовать заповедям Господа и творить добро, чтобы обрести вечное спасение» [Делюмо 1994: 165].

Почему же доминировавшая тогда в западном христианстве идейная традиция схоластики «не справилась» с вызовом апокалиптических ожиданий? Почему она не получила признания в центре церковной организации, в папской среде и итальянских государствах?

Нельзя сказать, что схоластов не интересовал вопрос Страшного суда. Но их ответы никак не могли удовлетворить массы верующих, ожидавших конца света. Так, наиболее авторитетный среди теологов Фома Аквинский считал, что Суд будет проходить «в уме», а время его в принципе узнать не дано, поскольку о нем знает только Бог-Отец [Фома Аквинский]. Такие суждения никак не могли удовлетворить тех, кто с ужасом ожидал наступления конца света в предсказанный срок. Кроме того, схоластика связывалась с постоянными геополитическими угрозами для раздробленной Италии со стороны усиливавшейся французской монархии.

Требовался новый, отличный от схоластики идеологический ответ на апокалипсический вызов. Он должен был быть достаточно внушительным для того, чтобы в символической сфере противостоять как почтенной традиции высокой схоластики (преимущественно французского и британского происхождения), так и радикальным проповедям конца света с их ригористическими требованиями отказа от всех земных удовольствий.

Гуманизм как предтеча Реформации

Расцвет гуманизма в конце XV и начале XVI в. тесно связан и с падением Восточной Римской (Ромейской) империи в 1453 г., и с растущими апокалипсическими ожиданиями.

Бурный рост интереса к латинским и греческим «древностям» приходится на середину XV в., как раз после падения Константинополя. Тогда же прекратились расколы – острая борьба различных претендентов на папский титул. Папой становится «первый гуманист среди пап» Николай V, имевший в своей коллекции 834 латинских кодекса (рукописных книги) [Петросилло 1997].

Судя по всему, напряжение в связи с ожиданием Страшного суда существенно поляризовало жизненные стратегии, разделив их на крайне богобоязненные аскетические (образец – Дж. Савонарола) и откровенно антиаскетические (наиболее скандальные образ-

цы – это семейство Борджиа, включая папу Александра VI). Не отличался богобоязненностью и главный покровитель Ренессанса Лев X. Тесно связанные в Италии между собой аристократические, церковные и коммерческие элиты включали тех, кто пускался во все тяжкие в удовольствиях, в том числе порочных и низменных, либо из отчаяния («надыхаться перед неминуемым концом»), либо вообще отрицая весь этот дискурс близящегося Страшного суда¹.

Влияние гуманизма на Реформацию – большая, самостоятельная и детально разработанная в исторической литературе тема. Здесь укажем только на главные факторы: внимание к древним языкам подорвало религиозную монополию латыни, перенос центра тяжести на человека привел к идее «личных отношений с Богом» в протестантизме, вольнодумие, эстетизм вплоть до гедонизма и скандального эротизма в папской среде Флоренции и Рима вызывали возмущение таких истово верующих, как Дж. Савонарола и М. Лютер.

Закрытие Восточного Средиземноморья – следствия для Европы

После того как османы закрыли свободную торговлю через арабский транзит с Индией и смежными регионами, богатыми специями, столь ценными в Европе, и взвинтили цены на собственные услуги, европейцы начали планомерно искать другие пути «в Индию». Последующие Великие географические открытия, начало европейской экспансии в Новый Свет, Азию и Африку с последующими грабежами, колонизацией и торговлей на дальние расстояния привели к быстрому *росту богатства держав с атлантическими портами*. Венеция и Генуя потеряли свое бывшее преимущество в торговле с Азией. Однако густонаселенная Южная Европа нуждалась в колониальных товарах, а ее ремесленная продукция (флорентийское сукно, венецианское стекло и зеркала и т. д.) была востребована повсюду.

Таким образом, эффект вынужденного развития атлантических портов привел к *бурному росту трансъевропейской торговли и рас-*

¹ Ср.: «...земное бытие на неопределенное время приобретает самодовлеющий смысл, а человеческая жизнь временно освобождается от эсхатологического ужаса» [Найдорф 2002].

цвету торговых, ремесленных городов, стоявших на пересечениях торговых путей, особенно во Франции и Священной Римской империи (нынешние Австрия, Швейцария, Германия, Чехия, Словакия, страны Бенилюкса).

Рост богатств и перспективы обогащения представляли собой *вызовы-возможности* для самих участников торговли и производства. Но те же процессы повлияли и на старые господствовавшие сословия, на элиты государственных и церковных структур, ведь заполнение рынков новыми привлекательными товарами стало вызовом для уже живших на ренту. Природа конфликтов обрела характер *борьбы за присвоение ренты* между империей, папством, королями, князьями, рыцарями.

Борьба за ренту становилась еще более острой из-за эффектов «военной революции» и неуклонного удорожания производства оружия (см. об этом ниже). Стандартным ответом элит на такие вызовы является увеличение фискального давления – рост требуемых податей. Городские элиты, бюргеры, с одной стороны, богатели, с другой – стали остро ощущать недостаточность прежних способов защиты от фискального давления, растущих поборов, а то и грабежей, особенно при восстаниях и войнах.

Поднимавшиеся в начале XVI в. крестьянские восстания сами по себе были не способны изменить социальные порядки. Совсем другое дело, когда влиятельные группы и акторы (князья, короли, лидеры бюргерских протестов) стали мобилизовать и рекрутировать массы недовольных. Таковы открывавшие эпоху турбулентности крестьянско-лютеранские войны 1520–1540-х гг., религиозная война в Швейцарии (1529–1531 гг.), Гентское восстание (1539–1540 гг.), первая Шмалькальденская война (1546–1547 гг.).

Социально-экономические невзгоды вызывают недовольство, а нередко и протестные настроения, но для их консолидации и мобилизации требуется «флаг» – комплекс простых идей, лозунгов, указывающих на виновных и на ясные пути исправления ситуации. Антипапские и антиимперские идеи протестантизма вполне отвечали таким требованиям.

Эффекты развития военного дела

Главными трендами *военной революции* с XV в. стали совершенствование, массовизация и удорожание огнестрельного оружия, усложнение фортификаций, защищающих от наступательной артиллерии, а также быстро меняющиеся тактики ведения боя, требовавшие все более организованных и обученных солдат и офицеров [Parker 1988; Downing 1992].

Всем политиям, как с сухопутными армиями, так и с боевыми и торговыми кораблями, теперь требовались пушки, а значит, неуклонно рос спрос на металл, поэтому в местах добычи руды и угля быстро строились домны, железоделательные заводы. Резко возросли финансовые потребности государств [Тилли 2009: 119].

Системный политический эффект этих изменений состоял в растущем преимуществе крупных государственных образований, способных формировать значительный бюджет, производить или закупать большие объемы дорогого оружия (мушкетов, пушек), а также на постоянной основе обучать офицеров новым стандартам боевого искусства, а солдат – дисциплине и быстрым слаженным действиям (построению, стрельбе, маневрам). Такие задачи были под силу королевствам, тогда как рыцарское ополчение знати быстро теряло свое преимущество.

Нет сомнений, что главным разрушительным фактором для средневековых порядков стали религиозные войны, имевшие как гражданский (особенно в 1520–1550-х гг.), так и международный характер (Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.). Эти войны были результатом стратегий подавления со стороны правящих групп (папства, империи, католических правителей) в ответ на вызовы протестантизма. Стратегии подавления были успешными ранее, в аграрную эпоху, когда нужно было справляться с альбигойцами, крестьянскими восстаниями, мятежами милленаристских и других сект. При накоплении экономического и организационного потенциала в атлантических портах, в северной части Европы, тем более после присоединения Франции к протестантскому (антигабсбургскому) союзу, стратегия военного подавления показала полную неадекватность.

Эффект больших и жестоких войн не ограничивается массовыми жертвами и материальными разрушениями. Важными ментальными следствиями являются сильное и устойчивое отчуждение между сторонами, а также неприятие (вплоть до отвращения и ненависти) к символам, которые ассоциируются с противником. Дискредитация как ментальное разрушение главных символов и институтов, ранее скреплявших *Pax Christiana* (прежде всего папства, единства церкви и единства Империи), распад соответствующих связей солидарности и лояльности – вот важнейшие долговременные следствия религиозных войн.

В итоге религиозных войн проигравшими стали папство, Империя, князья, а также территориально разбросанные брачные альянсы (Габсбурги, Люксембурги, Виттельсбахи) и торговые альянсы (Ганзейский союз, Рейнская лига, Швабская лига). Выиграли национальные государства абсолютистского типа, сплоченные федерации (Нидерланды и Швейцария), вступившие с теми и другими в союз новые протестантские церкви, торговые и промышленные города.

Учтем, что военные успехи и опирающийся на них геополитический престиж могущества являются главными факторами легитимации не только лидеров-триумфаторов, но также организаций, институтов и всех порядков, которые ассоциируются с победами. Для религиозного сознания тот же принцип принимает предельно ясную и убедительную форму «На чьей стороне Бог».

Заключение: проверка и уточнение модели перехода к турбулентности

Попробуем выделить такие факторы перехода к турбулентности, подрывающей и радикально трансформирующей порядок, которые действовали в Реформацию, но не привязаны к конкретной эпохе. Пока что эти факторы имеют только гипотетический статус, поскольку должны пройти проверку для других периодов турбулентности.

В географии и геоэкономике:

1. Закрытие (угасание) одних торговых путей и открытие (активизация) других приводит к смещению центров деловой активности, появлению новых групп и лидеров, которые начинают претендовать на политическую власть, что является вызовом для прежних гегемонов.

В геополитике:

2. Развитие военной организации и прогресс в вооружениях приводят к *сдвигу могущества* — ослаблению политических гегемонов, опиравшихся на вооруженные силы прежних образцов, и к подъему могущества акторов, способных мобилизовать силы и ресурсы по новым образцам; в этой ситуации усиливаются те акторы, которые используют ресурсы новых растущих центров деловой активности (п. 1).

3. Складываются *враждебные друг другу коалиции*, столкновение интересов и идейный антагонизм, агрессивность и жестокость взаимных атак которых настолько велики, что наличные способы умиротворения оказываются недейственными.

4. Одна из сторон, как правило, с фрустрацией проигрыша на арене престижа и опытом успеха прежних стратегий подавления, *уверена в своем силовом превосходстве* и начинает агрессивные действия.

5. *Другая сторона* благодаря новому притоку ресурсов и новым союзникам оказывается *гораздо сильнее, чем казалось противнику*; поэтому стратегии прежних гегемонов по подавлению противников оказываются неадекватными; происходит эскалация конфликта.

В ментальных порядках и геокультуре:

6. Святыни, символы, ценности, ранее общепринятые или считавшиеся приемлемыми, дискредитируются, поскольку либо причастны проигрывающей силовое состязание стороне, либо ассоциируются с самой войной, сопутствующими бедствиями.

Литература

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М. : Голос, 1994.

Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2003.

Дэвис Н. История Европы. М. : АСТ: Транзиткнига, 2005.

Найдорф М. И. К постижению логики ренессансного кризиса [Электронный ресурс] : Сборник научных трудов кафедры культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического университета. Вып. 5 / под общ. ред. А. Г. Баканурского и Г. Е. Краснокутского. Одесса: ЧП «Фридман А.С.», 2002. URL: <https://sites.google.com/site/marknaylorftexts/theory-articles/k-postizeniu-logiki-renessansnogo-krizisa>.

Найдорф М. И. Введение в теорию культуры. Историко-культурный процесс. Optimum : Одесса, 2004.

Петросилло О. Град Ватикан. Vatican : Edizioni Musei Vaticani, 1997.

Розов Н. С. Коэволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 12–22.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М. : Территория будущего, 2009.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 13. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-13/>.

Downing B. M. The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1992.

Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise in the West. New York : Cambridge University Press, 1988.